

Факультет мировой экономики и мировой политики

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата исторических наук Муравьева Алексея Владимировича на диссертационное сочинение Николая Шаблевского «Сравнительный анализ принципов арамейских переводов Пятикнижия Моисеева (таргумов и Пешитты)», представленной на соискание ученой степени кандидата богословия (специальность «библейская филология»).

Диссертационное сочинение Н. Шаблевского посвящено анализу арамейских переводов Пятикнижия «с позиции филологии», что соответствует специальности «библейская филология». Автор указывает в предисловии на актуальность темы в современной библеистике и предполагает внести в изучение принципов таргумических переводов свой вклад. Работа состоит из Введения, пяти глав, заключения и списка использованной литературы. По формальным признакам диссертационное сочинение соответствует правилам и ГОСТам.

В целом работа производит благоприятное впечатление, что объясняется солидным научным багажом, проработанностью литературы и знанием современных лингвистических терминов, понятий и методов. Диссертант владеет в достаточной мере языками библеистики (древнееврейским, арамейским и древнегреческим), использует литературу на европейских языках, знаком со вторичными источниками (апокрифическими и патристическими). Композиция работы простая и ясная, в первой главе дан экскурс в проблематику исследования.

Критическую оценку работы следует начать с вопроса научной методологии. Он распадается на два отдельных: вопрос научной школы и вопрос дисциплинарной квалификации. Но поскольку эти два вопроса тесно связаны, разумнее будет начать со второго. Автор указывает на «филологический» метод несколько раз (7, 9 et passim), при этом вкладывая в слово филология своеобразный смысл, ссылаясь на поэтический и довольно импрессионистический панегирик филологии С.С. Аверинцева. Но это не филология в классическом смысле: перед нами нет решения вопросов текстологии (хотя сама текстология упоминается на сс. 12 и дрр., и тоже – в несобственном смысле), нет установления рукописных чтений (диссертант вслед за Д. Цолиным указывает на «отхождение исторических различий на второй план»), нет обсуждения конъектур, наконец, нет вопроса об авторе и выяснения его личности. По сути, диссертационной областью является структурная лингвистика на материале библейского текста и его арамейских переводов. Автора также не очень интересует теория перевода – классическая литературоведческая тема (т.е. его философия и психология) – или теория нарратива, и он не отвлекается на влияние фактора идей (богословского, исторического). Дело объясняется тем, что диссертант написал всю работу в русле традиции С.В. Лёзова, к которой (отчасти) примыкают работы Я. Эйделькинда, а также с референцией к работам

М. Селезнева. Из-за такой «школьности» работа местами приобретает, на наш взгляд, реферативный характер, автор пространно излагает лингвистические концепции С. Лёзова и его соавторов, перемежая прямые и косвенные цитаты указаниями на правоту автора. В итоге местами получается, что применение идей указанных ученых к тексту арамейского таргумического корпуса и составляет основное содержание работы. В очерке историографии также упоминается диссертация и другие работы Д. Цолина, который называет свой метод «целостной интерпретацией». Именно в этом направлении и движется исследование Н. Шаблевского. Правда Д. Цолина интересуется теория жанров и поэтика, иначе говоря, его работы – литературоведческие, а диссертант ищет баланс между лингвистикой и исторически детерминированной филологией.

Научная проблема, которую автор определяет как «исследование синтаксических особенностей данных литературных памятников посредством изучения форм предикации» имеет длинную историю. Одна ее часть связана, как известно, с попытками датировки библейского текста по определенным синтагматическим блокам. Эта традиция библеистическая в чистом виде, ибо ее предмет – историческая квалификация традиции на основе текста. Вторая традиция – формализация библейского текста в интересах лингвистической теории, в частности глагольного морфосинтаксиса и семантики. И так, в первом случае исследуемые модели предикации служат реконструкции истории, а во втором сами модели и есть главный предмет изучения. И в этом случае ограниченность древнееврейского корпуса библейскими текстами (ТАНАХом, собственно говоря) — это недостаток, ибо для проверки теорий одного сборника текстов оказывается мало. Поэтому еврейские модели предикации недостаточно назвать, чтобы дескрипция была полной. Другое дело – исследование способов приспособить арамейские синтаксические конструкции к передаче еврейского сакрального текста. Именно так и презентует свой предмет Н. Шаблевский. Иначе говоря, сочинение решает вопросы теории структурного синтаксиса на материале арамейских переводов МТ.

Автор строит свое исследование на понятии «предикация», которое он берет из работ С.В. Лёзова, не оговорив, впрочем, отношения предикации к ментальному акту (тому, что Л. Выготский именовал предикативным отношением в акте коммуникации) или к понятию сказуемости. В результате создается своего рода теоретический «черный ящик». Раздел 1.1.3 «Формы предикации прямо отвечает на вопрос о методе, и диссертант воспроизводит как определение («модель, или структурную схему, по которой строится предложение»), так и базу (М. Бахтин и Э. Бенвенист). «Речевое высказывание» из сосюрровско-бенвенистовского «дискурса» в бахтинской схеме превращается в жанр, что понятно, учитывая интересы Бахтина, а у Бенвениста анализ речевых актов нужен для выяснения структуры языка. Диссертант в этом месте предпочел не заходить глубоко в дебри структуралистской теории, а идти в фарватере избранной им школы. Такой подход видится методологически оправданным, хот содержательно ослабляет работу.

В историографии (сс. 25-28) диссертант помещает базовые лингвистические сведения об арамейских языках, которые в принципе можно было свести к ссылке на работы С. Лёзова¹. В целом же историография вопроса отражена достаточно адекватно. Одно исключение составляет сириологический раздел: в нем упоминается работа Я. Йостена и две грамматики – Дюваля (без указания выходных данных в сн. 67) и Нёльдеке. Однако исследования в области сирийских переводов далеко не исчерпываются работой Я. Йостена и уж тем более грамматика и теория перевода в сирийской среде сейчас не

---

¹ Автор пишет об этом так: «Главным исследованием для данной главы послужили статьи С. Лёзова».

мыслимы без работ Т. Мураоки, С. Брока Б. Тер Хаар Роменей и других. Это показывает, что диссертант не рассматривал сирийскую составляющую своей работы как определяющую, перенеся центр на собственно Таргумы. В других местах диссертации в качестве основных референтных работ используется учебник А. Акопяна (в пер. Л. Грилехеса) и статья С. Лезова в лингвистическом справочнике «Языки мира».

Говоря о Пшитте (sic!) и ее датировке (с. 43) диссертант даже не упоминает фундаментальную монографию М. Вайцмана и ограничивается пересказом статьи Йостена. В дальнейшем в работе обсуждается, есть ли язык Пшитты «классический сирийский» или нет. При этом не обсуждается дефиниция КСЯ, а ее язык называется «идиоматическим ранним» сирийским. Автор не рассматривает проблемы многослойности и теории «двух источников», не качается проблемы соотношения грецизмов первой и второй волны в сирийском. На с. 43 диссертант в качестве аргумента в пользу приводит «50 заимствований с древнегреческого языка», но такие подсчеты слабо аргументативны без обоснования хронологии заимствований.

Впрочем, сам анализ стратегии перевода, построенный на основе морфосинтаксических характеристик, дает интересные результаты, особенно удачны выводы о попытках передачи поэтического текста на иврите поэзией в арамейском, а также о творческом подходе пешиттистов, избегавших калькирования, характерного для еврейских таргумистов. Впрочем в этом заключении мне кажется недостаточной проработанность истории сирийского языка, для которого помимо влияния греческого порода *real* во вводной фразе нормальна.

Способ транскрипции сирийского местами грешит формалистическим консерватизмом. Так передача исчезнувшего «алафа» специальным знаком оправдана для древнегреческого, но анахронистична для классического сирийского, так *hwāʔ q̄tal* вполне можно было бы дать без «алафа», а случае *reṭnāʔ da-* даже приводит к опущению спирантизации (рукхаха), которая здесь в живой речи сирийцев неукоснительно соблюдается. Имя Моисея по-сирийски должно быть *mōšē*, как и в древнееврейском, а не «*mawšēʔ*», ибо основа имени, согласно наиболее правдоподобной этимологии - египетская *mō-šē* (мосе – «дитя реки»). В транскрипции слова *ܩܬܠܐ* допущена неверная огласовка (*w-maḥyān-hway ṭlāyēʔ* : с.63), должно быть *ṭalyē*.

Есть неточность в употреблении терминологии: на с. 171: «отсутствует *ṭ* в ауслауте глагола как *matres lectionis*» - должно быть в ед. ч., *mater lectionis*. Называть Иоанна Златоуста «антиохийским святителем», как это делает диссертант неверно: Будучи архимандритом, Златоуст был избран на кафедру Константинополя. Святителями антиохийскими были Мелетий и Флавиан.

Излишним представляется повторение банальностей или общеизвестных фактов («...как было отмечено в апробационной статье, «само слово *mētḡāʔ* является существительным мужского рода, единственного числа и имеет разные значения»). Некорректно указание на учебник там, где должно быть указание на академическую грамматику Нёльдеке². Ссылки

² «...согласно учебнику по классическому сирийскому языку, «прямое дополнение может обозначаться при помощи слитного предлога *ṭ* / l-, который примыкает либо к существительному, обозначающему дополнение (*ܩܬܠܐ ܠܡܠܟܐ* / *q̄tal l-malkāʔ*), либо к соответствующему местоименному суффиксу (*al lēh*)»

на эпиграфические материалы должны быть оформлены указанием на академические публикации, а не на статьи по лингвистическим вопросам³.

В сириологической части встречаются некорректные выражения: «В Р первое именное предложение из Быт 16:16 оформлено посредством предикативного слова и энклитической копулы глагола «быть», образующей прошедшее время:

ܘܗܘܐ ܠܗ ܥܘܒܕܐ ܥܝܦܬܝܢܐ ܥܘܒܕܐ ܥܝܦܬܝܢܐ

w-ḥīt hwāt lāh ḥamṭā? meṣrāytā?...

И была у нее служанка-египтянка...». Но в сирийском языке ܘܗܘܐ, вообще говоря, не есть «предикативное слово», а особая частица (если мы говорим в морфологических понятиях). Что касается глагола ܥܘܒܐ, то слово «энклитика» обозначает только просодическую характеристику, а слово «копула» - учебное обозначение вспомогательного глагола в усеченной форме. Главное же – форма ḥīt hwāt lāh не есть «прошедшее время», ибо в семитских языках т.н. «видо-временные» формы не суть времена. В указанной фразе перед нами действительно посессивная конструкция соотносённая с нарративным прошлым, но называть ее «прошедшим временем» не совсем корректно. Приводя ссылку на работу Григория Нисского (Григорий Нисский, свт. Об устройении человека // Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861. С. 76–222), автор не указывает на современные издания и на русские переводы, опубликованные за последние 20 лет (напр., В.М. Лурье). Использование подчеркнуто иностранных терминов («описание синергии Бога и Его пророка, Моисея», «хотя и имеют интенцию к передачи аналогичными формами предикации, с. 128) не всегда оправдано.

Все указанные недостатки не снижают благоприятного впечатления от работы. Учитывая указанные методологические вопросы и профиль дисциплины («богословие»), представляется возможным сделать положительный вывод о том, что работа написана на достаточном для степени «кандидат богословия» уровне, а сам соискатель заслуживает искомой степени.

Муравьев А.В., зав. секции Ближнего Востока
Школы востоковедения, НИУ ВШЭ

³ «...согласно С.В. Лёзову, в эпиграфических памятниках, написанных на галилейском арамейском языке, «*ā в конце слова последовательно обозначается буквой {h}...»